

DOI: 10.15393/j9.art.2020.8122

УДК 821.161.1

Н. А. Трубицина*Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
(Елец, Российская Федерация)*

Tubicina-nat@mail.ru

Культурно-исторический код в локальной поэзии Ельца

Аннотация. В работе предпринимается попытка обосновать мнение профессора И. А. Есаулова об особом «духе» России, присутствующем в городском пространстве древнего провинциального Ельца. Предметом анализа является песенная лирика местных поэтов начала XX в., опубликованная в 1996 г. в альманахе «Елецкая быль». Автор приходит к выводам, что елецкие поэты в своих произведениях передали неповторимый колорит родной земли с помощью контаминации основных культурных кодов елецкого текста — Елец православный, Елец купеческий, Елец — город воинской славы. Локальная мифология сыграла главную роль в формировании елецкого текста русской культуры. Явление под Ельцом Богородицы хану Тамерлану, считающееся причиной чудесного спасения от разорения Москвы и всей Руси, стало «пусковым» событием для восприятия Ельца как сакрального города, находящегося под покровительством Божией Матери. Широкое использование в локальной поэзии о Ельце православной символики подчеркивает превалирование религиозно-духовной составляющей образа города над его визуально-светским ландшафтом.

Ключевые слова: И. А. Есаулов, православные мотивы, Елец, локальная поэзия, культурный код, локальная мифология

Об авторе: *Трубицина Наталия Алексеевна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина (ул. Коммунаров, 28/1, г. Елец, Российская Федерация, 399770)

Дата поступления: 22.02.2020

Дата публикации: 25.05.2020

Для цитирования: Трубицина Н. А. Культурно-исторический код в локальной поэзии Ельца // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 298–312. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8122

«В общем, кто в Ельце не бывал, тот России не видал».

И. А. Есаулов

Слова профессора И. А. Есаулова, взятые нами в качестве эпиграфа, были произнесены им на конференции, посвященной творчеству И. А. Бунина. Позднее они переместились в его информационный интернет-дневник. Там же он напишет: «Если бы я был министром культуры (или образования), или — хотя бы — мэром города Елец, то обязал бы (или — в последнем случае — привлек) все иностранные культурные делегации, которые хотя бы отдаленно интересуются русской культурой, обязательно посетить этот город. Ибо другого подобного русского города, к сожалению, в РФ уже больше нет. Добавил бы и более резкие слова, но воздержусь... Тут дело не в замечательных “культурных памятниках”, которые повсюду, в том числе, связанные с именем И. А. Бунина, да и не только, а именно что в сохранившемся городском ансамбле, в “духе” России» [Есаулов, 2013].

В одной из своих работ ученый отмечает: «В России, как известно, конфессиональный признак был всегда иерархически выше признака национального. Духовное (духовное самоопределение) значило больше, нежели кровь и нация» [Есаулов, 1995: 5]. Речь идет о духовных традициях Православия, специфических рождественском и пасхальном архетипах, понимаемых как «культурное бессознательное», т. е. «сформированный той или иной духовной традицией *тип мышления*, порождающий целый шлейф культурных последствий, вплоть до тех или иных стереотипов поведения» [Есаулов, 2004: 12].

Частично, применительно к Ельцу, И. А. Есаулов рассматривает православный код русской культуры в книге «Русская классика: новое понимание», анализируя рассказ И. А. Бунина «Подснежник». Счастье и радость мальчика на масленичной неделе от встречи с отцом, отъезд родителя накануне Великого Поста интерпретируются исследователем как трагедия России. Но для нас важно следующее размышление автора: «Дело вовсе не в том, как полагают литературоведы выготской ориентации, что Бунин, так сказать, привносит — как художник — поэзию *извне* в этот мир Ельца

и России, который на самом-то деле весьма прозаичен *изнутри* себя. Дело в том, что этот мир — *родной* для Бунина. И именно поэтому Бунин может показать поэзию — и даже “счастье” — как раз *в самом этом мире*» [Есаулов, 2012: 343–344]. И тут же добавляет: «Но, с другой стороны, для того, чтобы в этом увидеть поэзию, радость и счастье, для того, чтобы эту поэзию радость и счастье передать нам, читателям, и явился в русской литературе такой писатель, как Бунин. Это какая-то особая кипучая, незаемная радость жизни, эта праздничность жизни *имелась в самой* жизни, но, чтобы эксплицировать, выразить вовне эту радость бытия, нужен был все-таки Бунин» [Есаулов, 2012: 344].

Поэты, к творчеству которых мы обращаемся в данной статье, относятся к художникам слова, для которых елецкий мир является своим, родным. Не случайно их поэтические тексты были положены на музыку. А что может лучше передать дух народа, чем песенная лирика?

Написанные в конце XX в. песни о Ельце увидели свет в пятом выпуске альманаха «Елецкая быль», посвященном 850-летию города. Открывает сборник песня «Гимн Ельцу» на стихи В. Трубицына, положенная на музыку А. Почтаревым:

«В глубине веков Святою Русью освященный,
Гордо ты стоишь, как богатырь непобежденный,
Ты не раз дотла сгорал и к жизни возрождался,
Храмов купола венчают подвиг твой.

Припев:

В стране великой и красивой
С душой, открытой для любви,
На радость матери-России,
Земля елецкая живи!»¹.

Во многом клишированный текст стихотворения тем не менее отражает саму суть елецкого городского пространства. Здесь напрямую эксплицированы его древность, воинский дух, особая гордость горожан своей «русскостью», о которой так неподражаемо написал в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева» Иван Бунин².

Представленная одновременность различных исторических пластов бытия (Святая Русь и Россия-мать) пронизана идеей

соборности. Не для себя и не просто так, а именно на «радость» всей России должна продолжать жить елецкая земля. Открытая для любви душа — это душа-христианка. Православная составляющая метафизического образа города выходит здесь на первое место.

«Освящение» города Святой Русью не является риторической фигурой. Все четверостишие имплицитно отсылает к известному событию, связанному с нашествием на Русь Тамерлана (Тимура) в 1395 г. Войска монгольского хана в очередной раз сожгли Елец, но дальше на Москву не двинулись, а повернули назад. Православная церковь видит в этом чудесное заступничество Богородицы. В то время из Владимира в Москву была перенесена икона Владимирской Божией Матери, написанная, по преданию, евангелистом Лукой. Как следует из легенды, под Ельцом Богородица явилась Тамерлану во сне с бесчисленным небесным войском, и «вниде страх в сердце его и ужас в душу его, вниде трепет в кости его», и непобедимый полководец бежал, «аки некими гоним быша»³. Так возник региональный культ Елецкой Божией Матери — покровительницы города. Строка «Храмов купола венчают подвиг твой» объединяет культовую архитектуру с православной елецкой ментальностью и ратными подвигами горожан.

Присутствие «куполов храмов» не только «венчает» подвиги ельчан, но и определенным образом центрирует, делает сакральным пространство города. Об этом очень точно сказал географ и культуролог Д. Н. Замятин: «Идея Ельца состоит в метапутешествии от церкви Елецкой Божьей матери к Знаменскому Каменногорскому женскому монастырю. Эта церковь — репеллер, высшая экзистенциальная точка, с юга идет образно-географический поток на север, к монастырю (это аттрактор). Точка бифуркации — Торговая улица, где сам образно-географический поток распадается: есть возможность идти к Вознесенскому собору, Введенской церкви и по Введенскому спуску в Аргамачью слободу; и есть вторая возможность — увидеть Вознесенский собор лишь издали, не податься на его “уговоры” подойти поближе и держать путь прямо на колокольню монастыря и святой источник монахини Мелании рядом с ним» [Замятин, 2006: 440]. Выделенные

ученым «знаковые» локусы — не просто сакральные точки на карте Ельца. Без этих эмблематичных мест невозможна одическая традиция города, его «люблю-текст».

В стихотворении Александра Силаева «В созвездии старинных городов» парадигматический словарь и синтагматика поэтической лексики во многом совпадает с предыдущим текстом:

«Над городом сгустились облака,
Кварталы в дождевом тумане тают.
Над городом, где властвуют века,
Российский дух и русский дух витает.
Здесь купола плывут в небесной сини —
История купеческих родов.
Сверкай Елец — провинция России —
В созвездии старинных городов!» (31).

Власть веков, российский и русский дух, «история купеческих родов» — все это парадигматические ресурсы елецкого текста, инспирированные локальным мифом. Россия и Русь неотделимы друг от друга, а сам город лишь единица во множестве таких же, как и он, оплотов Родины.

Локальная мифология занимает ведущее место в структурировании городского пространства как текста. По мнению Д. Н. Замятина, именно локальный миф дает возможность той или иной территории утверждать себя как «Центр мира» (см.: [Замятин, 2015: 74]). Для этого необходимо «пусковое» мифологическое событие, вокруг которого объединяются большинство парадигматических и синтагматических ресурсов городского текста.

На наш взгляд, для Ельца таким событием стала легенда о явлении Богородицы Тамерлану. Несмотря на то, что в летописи Елец впервые упоминается в 1146 г., именно время похода хана на Русь (1395 г.) можно считать тем мифологическим первовременем, «золотым веком», когда город становится сакральной точкой на карте мира, городом, находящимся под покровом Святой Девы Марии. Основные культурные коды пространства города — Елец православный, Елец купеческий, Елец военно-исторический — так или

иначе, корреспондируют с этим центральным событием локальной мифологии.

Как сакральное место, город обязан был закрепить этот факт в культовой архитектуре. Более 30 храмов, несколько часовен и два монастыря насчитывал уездный Елец на начало XX в. Эта религиозно-православная составляющая городского пространства напрямую соотносится с его «купеческим» кодом. На купеческие средства возводилось большинство местных храмов, а об особой приверженности елецкого купеческого сословия к церкви написал Николай Лесков в рассказе «Грабеж»:

«Разве ты не понимаешь, что я нынче ктитор, а у нас на самый первый день праздника дьякон оборвался. <...>

— Умер?

— Нет. Купцы не допустили: лекаря наняли. Наши купцы разве так бросят? Лекарь говорит: может еще на поправку пойти, но только голоса уже не будет. Вот мы и приехали сюда с нашим с первым прихожанином хлопотать, чтобы нашего дьякона от нас куда-нибудь в женский монастырь монашкам свели, а себе здесь должны выбрать у вас промежу между всех одного самого лучшего.

— А это кто же ваш первый прихожанин и куда он отъехал?

— Наш первый прихожанин называется Павел Мироныч Мукомол. На московской богачихе женат. Целую неделю свадьбу праздновали. Очень ко храму привержен и службу всякую церковную лучше протодьякона знает. Затем его все и упростили: поезжай, посмотри и выбери; что тебе полюбится — то и нам будет любо. Его всяк стар и мал почитает. И он при огромном своем капитале, что три дома имеет, и свечной завод, и крупчатку, а сейчас послушался и для церковной надобности все оставил и полетел»⁴.

Этот разговор елецкого купца с кузиной из губернского Орла как нельзя лучше передает ту особую атмосферу «елецкого мира», которая именуется «духом» России.

Военно-исторический код города хоть и берет свое начало с момента защиты Руси от набегов кочевников, «дикого поля», впервые материально-мемориально запечатлевается в часовой-усыпальнице в форме богатырского шлема, возведенной над братской могилой воинов, погибших в кровавой битве

с Тамерланом. Присловье «в Ельце били всех — от Тамерлана до Гудериана» также «узаконивает» это мифическое первовремя.

Эксплицитно или имплицитно событие, связанное с разорением города ханом Тимуром, присутствует в большинстве стихотворений:

«Там у излучины Сосны,
Где у подножья Аргамача
Тимур “железный” видел сны,
Сквозь стон невольниц, крики плача» (35).

В стихотворении «Елец» П. Солнцева открыто эксплицировано легендарное первовремя и запечатлен еще один городской локус, название которого — Аргамача — также связано с походом и неудачей хана Тамерлана. По городской легенде, любимый сотник хана упал с крутого обрыва в реку Быстрая Сосна на своем верном аргамаке. С тех пор место стало называться Аргамаченская слобода, а в простонародье — Аргамача.

В своей одической традиции художественный образ Ельца никогда не отделяется от общей истории России. Более того, прошлое, настоящее и будущее города видится авторам стихотворений в служении Отечеству, в защите его от врагов. Несколько из них посвящены подвигу ельчан в Великой Отечественной войне, в частности стихотворение О. Горскова «О городе моем»:

«Давил фашист стальным тараном,
И вновь девизом у ельчан:
Не пропустили Тамерлана,
И не пройдет Гудериан» (45).

Экспликация в данном стихотворении присловья «в Ельце били всех — от Тамерлана до Гудериана» соединяет легендарное прошлое с конкретным военно-историческим событием. Знаменитая елецкая наступательная операция стала переломным моментом в годы Великой Отечественной войны. Три дня пробыл город в плену у фашистов, но не пропустил их к Москве. По воспоминаниям фронтовиков, это под Ельцом немцы научились кричать: «Гитлер капут!».

В этом стихотворении О. Горсков отразил еще одно важное для ельчан событие:

«Твой сын, исполненный отваги,
Шел до победного конца, —
И на поверженном рейхстаге
Он начертал: «МЫ ИЗ ЕЛЬЦА»» (45).

Сержант Красной армии, ельчанин Борис Сидельников прошел воинский путь от Ельца до Берлина. Он участвовал в штурме немецкой столицы, после взятия которой написал штыком на рейхстаге известную всем ельчанам фразу: «Мы из Ельца». Не свои фамилию и имя начертал елецкий боец; это соборное «мы» было инспирировано тем самым духом России, памятью малой родины.

Поэтесса Н. Северина так и назвала свое стихотворение — «Мы из Ельца», положенное затем на музыку А. Бурцевым:

«О ельчанах известно: дрались хорошо,
И не только свой город родной защищая.
Наш отважный земляк до Берлина дошел
Вместе с песней далекого отчего края.
Уносила война мужа, сына, отца,
А кто чудом дожил до победного флага
Легендарною подписью: «Мы из Ельца!»
Обессмертили подвиг ельчан у рейхстага» (59).

Автор стихотворения, как и автор надписи, не выделяет здесь подвиг отдельного солдата. Все ельчане — герои, и на месте Бориса Сидельникова мог быть любой его земляк. Этот мотив является центральным в стихотворении В. Дунаева «У обелиска», положенного на музыку А. Почтаревым:

«Парит звезда над обелиском.
Здесь каждый славой награжден.
Занесены в огромном списке
Навечно тысячи имен.
<...>
Легли повзводно и поротно,
Навеки замер мертвый строй,
И в том строю, в шеренгах плотных,
Что ни погибший, — то герой.
Они в бессмертье уходили,
Шагнув от отчего крыльца...
Парит звезда над их могилой
На старом кладбище Ельца» (52).

Старое кладбище Ельца является особым мемориальным комплексом, историко-культурным наследием города. На его территории, помимо обелиска с именами погибших защитников Ельца в декабре 1941 г., находятся действующий храм во имя иконы Казанской Божией Матери (охраняемый культурный памятник XIII в.), часовня-ротонда, где перезахоронены останки воинов, погибших при нашествии Тамерлана, могилы местночтимых святых и склепы выдающихся купеческих фамилий. Обелиск защитникам Ельца естественно вписался в старинный кладбищенский ландшафт. Могилы убиенных в годы советской власти священников соседствуют с могилами защитников города в годы Великой Отечественной войны. Парящая над обелиском звезда в стихотворении Дунаева — это не «дьявольский знак», как определяет этот символ советской эпохи в главе «Сатанинские звезды и священная война» И. А. Есаулов в книге «Категория соборности в русской литературе» [Есаулов, 1995: 210]. В контексте данного стихотворения это, скорее, звезда библейская, позволяющая павшим героям уйти в «бессмертье». Недаром она «парит» и над обелиском, и над могилами погибших солдат как символ вечной памяти, вечного пути, вечной жизни. Потому и «цветы не вянут на могиле / На старом кладбище Ельца» (52).

Дух России, присутствующий в Ельце, И. А. Есаулов связывает с сохранившимся городским ансамблем. Застройку центра города и близлежащих районов историки называют «купеческой архитектурой». Одноэтажные и двухэтажные каменно-деревянные дома украшены изящной резьбой по дереву и камню. Но особой красотой отличаются возрожденные после советского разорения храмы, которых только в центральной части Ельца можно насчитать около десяти. Местные поэты уловили в елецкой архитектуре ее связь с православным кодом русской культуры:

«Над Сосной-рекой
Есть чудесный град:
Колокольный звон
Разливается,
Купола церквей
В небеса глядят

И к лучам зари
Поднимаются».

(Песнь о Ельце. Сл. Л. Янкиной, муз. А. Бурцева)

Почти в каждом стихотворении о городе Ельце присутствуют образы церкви, храма, собора, куполов. В текстах елецких поэтов они не столько часть городского культурного ландшафта, сколько яркие знаки-символы возрождения традиционных православных ценностей елецкого мира, без которых невозможно представить ни прошлое, ни настоящее, ни будущее города:

«Вновь в Ельце возрождаются храмы,
Греет души славянская вязь».

(В дивном граде Ельце. Сл. Сакуллари,
муз. В. Чернышевой)

Идея воскресения связана с идеей возрождения после поругания местных святынь, произошедшего во время татарского ига, фашистского нашествия или советского режима, превратившего великолепные елецкие храмы в конюшни или хлебные склады:

«Здесь улочки уютны и тесны,
Здесь храмов возрождения начало,
Собор на берегу Сосны
Для наших душ является причалом».

(В созвездии российских городов.
Сл. и муз. А. Силаева)

Художественный образ малой родины в творчестве местных поэтов представлен в совокупности материальных и духовных культурных ценностей. Уют отчего дома не мыслим без духовной радости, получить которую возможно как в главном оплоте православия Ельца — Вознесенском соборе, так и в любом возрождающемся храме:

«Звон колоколов
Поет, с моей душой сливаясь.
Ясно и светло —
С тобой встречаюсь, улыбаясь.
Ты сгорал дотла —
И воскресал для вечной жизни,

Храмов купола
Венчают нас в любви к Отчизне».
(Поздравление Ельцу. Сл. С. Королевой и В. Трубицина,
муз. А. Почтарева)

Звон колоколов, являющийся мощным эвокативным символом, раскрывает пасхальный архетип в исследуемых стихотворениях. Благая весть в звуке — назначение колокольного звона:

«Колокольный звон вдоль реки плывет:
Это храм Ельца на Руси живет,
Город сам Елец на горе стоит,
А великий храм в небеса глядит...»
(Былина о Ельце. Сл. Лобова, муз. С. Погорелова)

Мысль о Ельце как городе «на горе» напрямую соотносится с высказываниями Ю. М. Лотмана о городах «концентрического типа»: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца — это “вечный город”» [Лотман: 33].

«Великий храм», глядящий в небеса, — это кафедральный Вознесенский собор Ельца, построенный по проекту архитектора Константина Тона⁵. По существующей городской легенде, после очередного разорения города «дотла» место новой застройки (где и стоит сейчас собор) указал ельчанам святитель Алексий, митрополит Московский, направлявшийся в 1357 г. в орду к хану Чанибеку.

Епископ Липецкий и Елецкий Никон в 2006 г. в предисловии к книге «Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой Епархии» высказался о городе следующим образом: «Благословенный град Елец. Воистину святые чувства вызывает в нас упоминание этого древнейшего города, с полным правом считающегося одним из духовных центров липецкой земли. Силуэты многочисленных храмов Божиих давно стали олицетворением самого Ельца, а вся его история буквально пронизана свидетельствами Промысла Божия и деяниями

целого сонма святых угодников» [Клоков и др.: 5]. Метонимическое соотношение «силуэтов многочисленных храмов» с самим городом имплицитно присутствует и в локальной поэзии о Ельце. Активное использование в текстах стихотворений старославянизмов («град», «песнь» и др.) придает их стилю возвышенность и торжественность, что характерно для одической традиции репрезентации пространства.

Таким образом, «дух России» передается в творчестве елецких поэтов через такие знаки-символы, как «купола», «храм», «колокольный звон», «Божья Матерь», «река», «гора», «синь», «лазурь» и ряд других. Православные мотивы, присутствующие в локальной поэзии о Ельце, связаны, во-первых, с сакрализацией городского пространства в масштабах Святой Руси в связи с православными событиями, происходившими на обозначенной территории; во-вторых, с храмовой архитектурой, составляющей основу елецкого локуса; в-третьих, с глубокой православной верой горожан. Елецкие поэты в своих произведениях передали неповторимый колорит родной земли с помощью контаминации основных культурных кодов елецкого текста — Елец православный, Елец купеческий, Елец — город воинской славы. Локальная мифология сыграла главную роль в формировании елецкого текста русской культуры. Широкое использование православной символики подчеркивает превалирование религиозно-духовной составляющей художественного образа города над его визуально-светским ландшафтом.

Примечания

- ¹ Елецкая быль. Елец, 1996. № 5. С. 6. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ² «И мне показалось, что последние слова он произнес почти надменно, особенно полновесно и внушительно, — и тут впервые пахнуло на меня тем, чем я так крепко надыхался в городе впоследствии: гордостью. Гордость в словах Ростовцева звучала вообще весьма не редко. Гордость чем? Тем, конечно, что мы, Ростовцевы, русские, подлинные русские, что мы живем той совсем особой, простой, с виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нет и не может быть, ибо ведь скромна-то она только с виду, а на деле обильна, как нигде, есть законное порожденье исконного духа России, а Россия богаче,

- сильней, праведней и славней всех стран в мире» (Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Сантакс, 1994. Т. 5. С. 53).
- ³ Повесть о Темир-Аксаке // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М.: Худож. лит., 1981. С. 240.
- ⁴ Лесков Н. С. Грабеж // Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 5. С. 181.
- ⁵ По проекту К. Тона возведен храм Христа-Спасителя в Москве.

Список литературы

1. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. — 288 с.
2. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. — М.: Кругъ, 2004. — 560 с.
3. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. — СПб.: Алетейя, 2012. — 448 с.
4. Есаулов И. А. *Amata nobis quantum amabitur nulla*: к 80-летию вручения Нобелевской премии Ивану Бунину. — 2013. — Октябрь [Электронный ресурс]. — URL: <https://esaulov.net/blog/amata-nobis-quantum-amabitur-nulla/> (18.02.2020)
5. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. — М.: Знак, 2006. — 488 с.
6. Замятин Д. Н. Путешествие: пространство, образ, реальность // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2015. — № 5/6. — С. 64–79.
7. Клоков А. Ю., Найденов А. А., Новосельцев А. В. Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии. Храмы Ельца. — Липецк: Липецкое областное краеведческое общество, 2006. — 512 с.
8. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры: Петербург. — Тарту, 1984. (Ученые записки Тартуского государственного университета; вып. 664. Труды по знаковым системам; вып. 18.)

Nataliya A. Trubitsina

*Bunin Yelets State University
(Yelets, Russian Federation)*

Trubicina-nat@mail.ru

“Spirit of Russia” in the Song Lyrics About the City of Yelets

Abstract. The paper attempts to substantiate the opinion of Professor I. A. Esaulov about the special “spirit” of Russia present in the urban space of the ancient provincial Yelets. The analysis uses the song lyrics of local poets of the early twentieth century, published in 1996 in the almanac *Yeletskaya byl*. The author comes to the conclusion that the Yelets poets in their works conveyed the unique flavor of their native land by means of contamination of the main cultural codes of the Yelets text — Yelets Orthodox, Yelets merchant, Yelets — a city of military glory. Local mythology played a major role in the formation of the Yelets text of culture. The appearance of the mother of God at Yelets to Khan Tamerlane, after which there was a miraculous escape from the ruin of Moscow and all Russia, became a “starting” event for the perception of Yelets as a sacred city under the patronage of the mother of God. The widespread use of Orthodox symbols in the song lyrics about Yelets emphasizes the predominance of the religious and spiritual component over the visual and secular landscape of the city.

Keywords: Esaulov, Orthodox motives, Yelets, local poetry, cultural code, local mythology

About the author: *Trubitsina Nataliya A.* — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of History and Historical and Cultural Heritage, Bunin Yelets State University (ul. Kommunarov 28/1, Yelets, 399770, Russian Federation)

Received: February 22, 2020

Date of publication: May 25, 2020

For citation: Trubitsina N. A. “Spirit of Russia” in the Song Lyrics About the City of Yelets. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 298–312. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8122 (In Russ.)

References

1. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature [The Category of Sobornost' in Russian Literature]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 288 p. (In Russ.)
2. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti [Paskhal'nost' of Russian Literature]*. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
3. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie [Russian Classics: New Understanding]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2012. 448 p. (In Russ.)

4. Esaulov I. A. *Amata nobis quantum amabitur nulla: k 80-letiyu vrucheniya Nobelevskoy premii Ivanu Buninu* [*Amata nobis quantum amabitur nulla: on the 80th Anniversary of the Awarding of the Nobel Prize to Ivan Bunin*]. Available at: <https://esaulov.net/blog/amata-nobis-quantum-amabitur-nulla/> (accessed on February 18, 2020). (In Russ.)
5. Zamyatin D. N. *Kul'tura i prostranstvo: modelirovanie geograficheskikh obrazov* [*Culture and Space: Modeling of Geographical Images*]. Moscow, Znak Publ., 2006. 488 p. (In Russ.)
6. Zamyatin D. N. Journey: Space, Image, Reality. In: *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [*Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*], 2015, no. 5/6, pp. 64—79. (In Russ.)
7. Klokov A. Yu., Naydenov A. A., Novosel'tsev A. V. *Khramy i monastyri Lipetskoy i Eletskey eparkhii. Khramy El'tsa* [*Temples and Monasteries of Lipetsk and Yelets Diocese. Temples of Yelets*]. Lipetsk, Lipetskoe oblastnoe kraevedcheskoe obshchestvo Publ., 2006. 512 p. (In Russ.)
8. Lotman Yu. M. Symbolics of St. Petersburg and the Problems of Semiotics of the City. In: *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury: Peterburg* [*Semiotics of the City and Urban Culture: Petersburg*]. Tartu, 1984, pp. 30—45. (Tartu Riikliku Ülikooli toimetised; issue 664. Sign Systems Studies; issue 18.) (In Russ.)